

Он дрожал, готовый заплакать:

— У меня нет денег, чтобы войти в Башню Чжаому...

Матушка успокоила его:

— Мой милый, тебе не нужно платить, сегодня ночью прима покажет тебе, что такое настоящий мир.

Её слова были наполнены двусмысленностью, дразня этого дрожащего юношу:

— Если ты действительно ничего не сможешь, мы просто поболтаем за чаем.

Чжа Сяотан был введён в Башню Чжаому, и вскоре зажглись яркие огни, а ученики Дворца Буфань смешались с толпой, наблюдая за происходящим. В здании раздавались смех и шутки, люди гонялись друг за другом, и весенний воздух смешивался с прохладой раннего лета.

Жун Дуаньюй спустилась вниз и исполнила танец, привлекая всеобщее внимание, а затем, на глазах у всех, взяла Чжа Сяотана за руку и поднялась вверх. Войдя в комнату, Чжа Сяотан сразу же отступил на два шага, его лицо покраснело, рот приоткрылся, и он был настолько напряжён, что покрылся потом.

Жун Дуаньюй рассмеялась, она чувствовала себя как развратница, дразнящая неопытного юношу.

— Садись, — мягко сказала она. — Хочешь чаю?

Чжа Сяотан спросил:

— ...Действительно не нужно платить?

Он был в ужасе, нервно сжимая край стола:

— Неужели после этой ночи меня оставят здесь, чтобы я отрабатывал долг?

Жун Дуаньюй фыркнула, этот семнадцатилетний юноша был слишком застенчив. Она вспомнила Жун Лююня в семнадцать лет — он тоже мало говорил, но мог поднять меч и рубить врагов, не моргнув глазом.

Они сидели молча, и тогда они начали играть в шахматы. Чжа Сяотан проиграл несколько партий.

— Я плохо играю, мой отец говорит, что я всегда был глупым, — опустив голову, он не решался смотреть в прекрасные глаза Жун Дуаньюй. — Прима, если не нужно платить, можно ли мне поесть?

Жун Дуаньюй приказала подать стол с изысканными блюдами. Теперь, когда уже было поздно, она села рядом с Чжа Сяотаном, лицом к окну. Чжа Сяотан был сосредоточен только на еде, несмотря на красоту перед ним, и ел до тех пор, пока не начал икать.

В это время, в самый разгар веселья, Хо Линьфэн держал в руке кувшин вина, а рядом с ним сидела красивая девушка, играя роль соблазнительного гостя. Он оглядывал всё вокруг, но, взглянув на вход, вдруг замер. Человек в нефритовой короне и серой одежде, элегантный и утончённый, вошёл и казался здесь совершенно неуместным.

Зачем он пришёл? Развлекаться?

Хо Линьфэн тайно наблюдал, как тот вежливо отказался от предложений нескольких девушек, постоял немного и поднялся по лестнице. Он не мог сосредоточиться только на одном человеке, и через некоторое время, когда гости начали толпиться, его уже было трудно найти.

В комнате Чжа Сяотан стал немного расслабленнее и начал разговаривать с Жун Дуаньюй. Он спросил:

— Прима, почему вы всё время смотрите в окно?

Жун Дуаньюй ответила:

— Ничего особенного, на окне вырезаны птицы, и мне это нравится.

Чжа Сяотан заметил её грусть и сменил тему:

— Прима, вы слышали о Школе Куньшань?

Он начал рассказывать:

— Школа Куньшань когда-то была злой сектой, они грабили и насиловали, а однажды устроили резню на Сицянлин.

Жун Дуаньюй, конечно, знала об этом. Школа Куньшань крайне ненавидела Дворец Буфань, и между ними постоянно возникали конфликты. Три года назад все ученики Школы Куньшань напали на Дворец Буфань, и жестокий бой длился три дня и три ночи. Школа Куньшань была полностью уничтожена, а ученики Дворца Буфань также понесли большие потери.

Чжа Сяотан сказал:

— Мне было всего четырнадцать, и после этого Дворец Буфань стал считаться злой сектой.

Жун Дуаньюй не хотела говорить об этом, но вдруг окно затряслось от ветра. Она испугалась, но рядом раздался смешок. Чжа Сяотан беззаботно сказал:

— Прима, вы, наверное, не просто любите птиц на окне, правда?

Жун Дуаньюй с удивлением посмотрела на него, а Чжа Сяотан добавил:

— Вы ждёте похитителя цветов?

Её лицо побледнело, и юноша ударил её ладонью, отправив Жун Дуаньюй в бессознательное состояние. Вся его застенчивость исчезла, и, взглянув на стену, он подумал о Жун Лоюне, который всё ещё ждал, и не смог сдержать холодной усмешки.

Чжа Сяотан взял Жун Дуаньюй на руки и медленно направился к кровати.

Красные свечи, тёплый полог, он снял с неё заколку и начал раздевать. Его рука коснулась её шеи, а затем он развязал шнурок её нижнего белья. Наклонившись, он хотел поцеловать её, а его рука потянулась, чтобы ласкать её нежную кожу.

В этот момент раздался стук в дверь. Чжа Сяотан затаил дыхание, не отвечая, но стук повторился ещё два раза. Внизу Хо Линьфэн пристально смотрел, а в соседней комнате Жун

Лоюнь начал подозревать неладное. Мужчина за дверью продолжал настойчиво стучать.

Тук-тук.

Человек спокойно объявил:

— Я Шэнь Чжоу, прошу аудиенции у примы.

— Шэнь Чжоу?!

Жун Лоюнь был поражён. Почему Шэнь Чжоу, без видимой причины, преодолел триста ли до Сицянлин? И зачем он пришёл в Башню Чжаому искать его сестру? Тук-тук, стук продолжался, но в соседней комнате никто не отвечал.

Удивление сменилось подозрением. Он открыл дверь и вышел, через несколько шагов встретившись взглядом с Шэнь Чжоу.

— Что вы делаете? — сказал он, подходя к двери и почувствовав мощную внутреннюю энергию, приближающуюся.

Он резко оттолкнул Шэнь Чжоу:

— Прочь!

С грохотом двери разлетелись на куски, и Чжа Сяотан нанёс удар ладонью.

Жун Лоюнь ответил встречным ударом, и столкновение их внутренних сил сбило окружающих с ног. Они начали сражение, двигаясь так быстро, что их было трудно различить. Жун Лоюнь был гибок, как дракон, а Чжа Сяотан проворен, как змея. Их схватка продолжалась уже более ста ударов.

Внезапно Чжа Сяотан запрыгнул на перила и в мгновение ока оказался на противоположной галерее.

Его движения, его энергия — Жун Лоюнь моментально пришёл в ярость. Этот развратник использовал Скитание по Восьми Сторонам! Он бросился в погоню, схватил Чжа Сяотана за шею и спросил:

— Где ты научился Скитанию по Восьми Сторонам?!

Чжа Сяотан с трудом ответил:

— Что, думаешь, это твоя уникальная техника?

Жун Лоюнь сжал шею Чжа Сяотана, подняв его над землёй. Тот сразу же застонал, его язык посинел, а глаза бегали, ища кого-то.

Жун Лоюнь швырнул Чжа Сяотана на землю, наступил на его живот и спросил:

— Кто ещё с тобой?

Чжа Сяотан сказал:

— Пока он не пришёл, подумай о своих последних словах!

Жун Лоюнь презрительно усмехнулся, повернул ногу, переместив её с живота на более уязвимое место:

— Маленький мальчик не может контролировать это, позволь мне помочь?

Это не было угрозой, он не стал тратить слова и резко надавил.

Но этого было недостаточно. Он вытащил серебряную заколку из волос одной из девушек, сжал её в руке и воткнул в чувствительное место. В здании раздался душераздирающий крик, Чжа Сяотан сжался, как креветка, его вены набухли, а пот лился градом.

Жун Лоюнь сквозь зубы сказал:

— Это только одна заколка. Как насчёт пятнадцати девушек в Городе Сяоян и двух на Сицянлин?

Он поднял заколку и снова ударил, крики не прекращались, и Чжа Сяотан потерял сознание от боли.

Люди в панике разбежались, гости и девушки прятались, а внизу залы были уже пусты.

В этот момент в Башню Чжаому вошёл мужчина, выделяясь среди всех.

Ему было около пятидесяти, с высокими скулами и острым носом, с лицом, полным презрения. Он выбрал лучшее место, не обращая внимания на окружающих, и начал наливать себе вино. Подняв бокал, он взглянул на четвёртый этаж.

Жун Лоюнь встретился с ним взглядом, затем поднял Чжа Сяотана и прыгнул вниз, грациозно приземлившись на сцене. Хо Линьфэн всё это время наблюдал и, увидев это, переместился за колонну позади мужчины, кивнув Жун Лоюню издалека.

— Кто ты? — спросил Жун Лоюнь. — Ты его отец?

Мужчина ответил:

— Раз учитель, то на всю жизнь отец, так что да.

Жун Лоюнь пристально смотрел на него, чувствуя странное сходство. Черты лица, выражение, общая аура... всё казалось знакомым. Мужчина наполнил бокал и поднял на него взгляд, его лицо выражало странную улыбку. Эта улыбка была зловещей, его глаза сверкали, а тонкие губы сжались, как лезвие, и в них чувствовалась уверенность в победе.

В его сознании мелькнули воспоминания, уходящие далеко в прошлое...

Мужчина слегка повернул голову:

— Племянник Хуайкэ, я думал, ты не осмелишься появиться.

Рядом Дуань Хуайкэ медленно поднялся на сцену, подошёл к Жун Лоюню и сказал:

— Дуаньюй в порядке, не волнуйся.

Затем он повернулся, внешне спокойный, но незаметно встал перед Жун Лоюнем:

— Десять лет не виделись, дядя Цинь, ваш визит на Сицяньлин действительно неожиданный.

Жун Лоюнь внутренне удивился — это был Цинь Сюнь!

Цинь Сюнь вздохнул, недовольный:

— Какие формальности, вы, племянники, должны называть меня дядей.

Он посмотрел на Жун Лоюня, как на ребёнка:

— Маленький Лоюнь уже вырос, выглядит даже красивее девушек в этом здании.

Хо Линьфэн нахмурился, скрестив руки. Как старший, он вёл себя слишком легкомысленно, и его развратное поведение испортило нежное обращение «маленький Лоюнь». Затем он задумался о главном — оказывается, Жун Лоюнь и Дуань Хуайкэ были учениками одного учителя, поэтому они так доверяли друг другу и всегда искали поддержки у старшего брата.

Но если этот старик Цинь Сюнь был их дядей, то кто же был их учителем?

— Дядя Цинь, вы, кажется, забыли, — напомнил Дуань Хуайкэ. — Мой отец давно порвал с вами отношения, так что вы больше не наш дядя.

Цинь Сюнь рассмеялся:

— Говорят, что отношения можно порвать, но чувства остаются. К тому же прошло столько лет, может, он уже перестал злиться.

Он снова налил бокал и вдруг посмотрел на безжизненного Чжа Сяотана:

— Племянники, вы даже не спросите, как жил ваш дядя после того, как покинул гору?

Жун Лоюнь холодно фыркнул, зная, что он, вероятно, наслаждался своими злодеяниями. Он опустил взгляд на Чжа Сяотана, лежащего без сознания, кровь из его тела образовала лужу, смешиваясь с красным ковром на сцене.

<http://bllate.org/book/16167/1449331>